Ив. ДЬЯКОВЪ.

ПРОБЛЕМА

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ СУБСТАНЦІИ И ВРЕМЕНИ.

(Свобода, стремленіе и творчество въ свѣтъ мірового всеединства).

ЭТЮДЪ.

МОСКВА. 1917.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Хвостская пл., Филиппьевский пер., 11.

Ив. ДЬЯКОВЪ.

Проблема взаимоотношенія субстанціи и времени.

МОСКВА.
1916.

Проблема взаимоотношенія субстанціи и времени.

Философская эпоха до-кантовскаго періода новой философіи сосредоточила свой интересъ преимущественно вокругъ одной проблемы, выступившей въ качествѣ основного предмета ея изслѣдованій. Это — *проблема субстанціи*, которая не только въ умозрительныхъ системахъ раціонализма (Декарта, Спинозы, Лейбница, Беркли, Вольфа), съ положительной стороны, но въ значительной степени и въ индуктивныхъ построеніяхъ эмпиризма (Локкъ, Юмъ),— въ отрицательномъ иногда смыслѣ, — играла роль того центра, вокругъ котораго развивались изслѣдованія философовъ. XIX-е столѣтіе являетъ собою картину рѣзкой перемѣны въ положеніи проблемы.

Благодаря критикѣ Канта, подкрѣпленной и безъ того сильными, живучими мотивами эмпирическаго хода мысли, субстанція къ концу XIX столѣтія перестала играть роль какого бы то ни было существеннаго или основного предмета философствованія, а въ лицѣ такъ наз. эмпиріокритизма (Авенаріусъ, Махъ, Петцольдъ) нашла и своего послѣдняго, казалось, побѣдоноснаго противника.

Философія XX столѣтія, можно сказать началась подъ знаменемъ антисубстанціализма. И современное положеніе проблемы въ значительной степени обусловлено позиціей возрожденнаго Канта, который отвергъ за субстанціей ея прежнее онтологическое значеніе объекта самодостовѣрнаго познанія и удержалъ ее только въ скромной роли одной изъ двѣнадцати субъективныхъ формъ (категорій) нашего логическаго мышленія. Строго говоря, современная философія, за немногими исключеніями, не знаетъ субстанціи, какъ основного начала сущаго (онтологической сущности), но находитъ возможнымъ говорить только о *субстанціальной формѣ познанія* самихъ по себѣ чуждыхъ этой категоріи феноменовъ. Вліянію этого формалистическаго пониманія субстанціи невольно подчиняются и тѣ немногіе представители современной философіи, которые выступаютъ защитниками ея стараго онтологическаго значенія.

Опредѣленіе субстанціи, какъ *сущности (вещи), пребывающей во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ*, слишкомъ общо, схематично, и, будучи само по себѣ правильнымъ, не даетъ еще сколько-нибудь содержательнаго представленія (понятія) о родѣ и способѣ этого пребыванія. Несомнѣнно одно: опредѣленіе субстанціи необходимо должно содержать въ себѣ то или иное отношеніе къ опредѣленію времени. Бытіе *измѣняющееся* и бытіе *пребывающее* противостоятъ другъ другу, очевидно, по ихъ отношеніямъ къ процессу времени. *Измѣняется* то, что уносится вмѣстѣ съ потокомъ времени, *пребываетъ* то, что остается нетронутымъ. Такое пониманіе субстанціи, очевидно, уже подразумѣваетъ совершенно опредѣленное представленіе о природѣ самаго процесса времени, — представленіе, нашедшее свое наиболѣе рѣшительное и послѣдовательное выраженіе въ ученіи Л. М. Лопатина.

Самая важная черта времени, согласно этому воззрѣнію, та, что оно *течетъ*, безпрестанно проходитъ. Прошлаго *уже* нѣтъ, будущаго *еще* нѣтъ; все теченіе времени идетъ мимо нѣкотораго неподвижнаго момента *настоящаго*. Эти характерныя особенности даютъ, по мнѣнію Л. М. Лопатина, основаніе признать, что „вся дѣйствительность времени заключается въ его нереальности“ [1]), такъ какъ дѣйствительнымъ въ немъ оказывается только неуловимый *моментъ настоящаго*, мгновеніе, въ которомъ, во-первыхъ, нѣтъ никакой длительности, т. е. времени, во-вторыхъ, никакой реальности, такъ какъ настоящее — это то, что непрерывно исчезаетъ.

Лопатинъ идетъ такъ далеко, что и вообще всякое длящееся явленіе, даже явленіе сознанія, разсматриваетъ, какъ „серію явленій, абсолютно мгновенныхъ“ [2]). Такая характеристика является ничѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ понятія о времени, свойственнаго механическому естествознанію, которое, видя во времени только однородную прямую линію, складывающуюся изъ неуловимыхъ мгновеній настоящаго, разсматриваетъ его, какъ нѣкоторый аналогъ пространства. Борьба съ этимъ пониманіемъ метафизической природы времени въ современной философіи составляетъ неотъемлемую заслугу А. Бергсона.

Именно въ этой своей, данной въ ученіи Л. М. Лопатина, на рѣдкость отчетливой и до конца послѣдовательной формѣ, это воззрѣніе современной философіи самоочевиднымъ образомъ обнаруживаетъ основную, скрывающуюся въ немъ трудность. Если время не реально, то можетъ ли быть вообще что-нибудь реальное? Вѣдь и

---

1) Л. М. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи Т. II, стр 290 s.

2) Л. М. Лопатинъ Op cit, стр. 290—300 s

все вообще, всякое бытіе, существуетъ, слѣдовательно, только какъ совокупность лишенныхъ реальности мгновеній настоящаго. Не долженъ ли такой ходъ мыслей привести къ отрицанію вообще какой бы то ни было реальности, къ чистѣйшей *метафизикѣ мгновеній?*

Опасность полнаго иллюзіонизма очевиднѣе всего свидѣтельствуетъ о томъ, что въ положеніи проблемы далеко не все обстоитъ благополучно. И дѣйствительно, не можетъ, прежде всего, не броситься въ глаза то противорѣчіе, въ которомъ находятся между собою изложенное *понятіе* о времени и непосредственное наше *переживаніе времени.* Въ сущности и до сей поры остается непоколебленной кантовская интерпретація времени, какъ субъективной формы нашего внутренняго опыта par exellence. Между тѣмъ, время, какъ интуитивная данность, совершенно не охватывается тѣмъ выраженіемъ его, которое дано въ приведенномъ выше разсудочномъ понятіи о времени, стремившемся быть по существу даже не понятіемъ въ собственномъ смыслѣ слова (т. е. теоріей), всегда содержащимъ въ себѣ элементъ абстракціи, но адэкватнымъ *словеснымъ описаніемъ* его.

Обратившись вглубь собственнаго сознанія мы прежде всего констатируемъ, что теченіе времени никоимъ образомъ не состоитъ изъ смѣняющихъ другъ-друга внѣположныхъ мгновеній. Мы воспринимаемъ время, какъ *потокъ абсолютно цѣлостный,* всѣ моменты котораго взаимно проникаютъ другъ-друга, такъ что *настоящее содержитъ въ себѣ все прошлое и пропитано уже будущимъ.* Каждый отдѣльный моментъ содержитъ въ себѣ все цѣлое времени и, наоборотъ, въ этомъ цѣломъ можетъ быть разсмотрѣнъ каждый отдѣльный моментъ. Настоящее какъ неуловимое мгновеніе, оказывается чистѣйшей фикціей и, наоборотъ, прошлое оказывается не окончательно и навсегда исчезнувшимъ, но существующимъ такъ же реально какъ и все другое. *Прошлое сохраняется.* Пережитыя чувства, отзвучавшіе звуки не исчезнутъ навѣки для насъ; они продолжаютъ жить вмѣстѣ съ нами, только въ формѣ, отличной отъ той, въ которой даны намъ состоянія, переживаемыя сейчасъ, и въ иномъ отношеніи къ нашему активному, бодрствующему сознанію. Вся наша прошлая жизнь,—говоритъ А. Бергсонъ,—сохраняется до мельчайшихъ подробностей; мы ничего не забываемъ, и все, что мы чувствовали, воспринимали, думали и желали со времени пробужденія нашего сознанія, живетъ неразрушимымъ"...[1]).

Равнымъ образомъ и будущее не есть то, чего совершенно

---

[1]) А. Бергсонъ. Сновидѣніе Русск. перев.

еще нѣтъ. *Мы живемъ въ настоящемъ силами прошлаго и надеждами будущаго.* Въ прошломъ мы чувствуемъ себя *безсильными* (его событія уже внѣ нашей власти); въ настоящемъ—обладающими дѣйственной, но связанной всѣмъ нашимъ прошлымъ *иниціативой;* въ будущемъ—свободно *творящими.* Будущее является въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, какъ совокупность виртуальнаго, возможнаго, въ сферѣ которой развивается наша свобода и наше творчество.

Это не значитъ, конечно, что наше будущее уже заранѣе предопредѣлено. Его данность—чисто *творческая,* виртуальная, и можетъ быть сравнена только съ первоначальной интенціей поэта, первоначальнымъ порывомъ къ творчеству, который совершенно еще не опредѣляетъ собою тѣхъ формъ, въ какихъ ему суждено осуществиться [1]).

Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что *время имѣетъ монадологическую природу,* ибо какъ въ космологіи Лейбница каждая отдѣльная монада (микрокосмъ) заключала въ себѣ все цѣлое міра (макрокосма), такъ и въ потокѣ времени, согласно даннымъ непосредственнаго воспріятія, каждый отдѣльный моментъ заключаетъ въ себѣ все цѣлое времени. Однако, несмотря на это, время дѣйствительно *течетъ* и никогда не возвращается, оно *необратимо.* „Время,—говоритъ тотъ же Бергсонъ—это непрерывный прогрессъ прошлаго, пожирающаго будущее и растущаго по мѣрѣ движенія впередъ [2]).

Такимъ образомъ, оказывается, что *природа времени какъ бы содержитъ въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе.* Съ одной стороны, *время безпрестанно и безвозвратно течетъ,* съ другой—оно *вѣчно сохраняется* и даже какъ бы уже предвосхищаетъ (виртуально) свое будущее. А. Франкъ, отмѣчая эти особенности времени, разсматриваетъ ихъ какъ простое противорѣчіе во взглядахъ Бергсона, а слѣдовательно, и всѣхъ, примыкающихъ къ нему [3]). И такое противорѣчіе здѣсь дѣйствительно было-бы, если рѣшиться уже заранѣе разсматривать время, какъ простую *прямую линію,* безконечно идущую вдаль, если не уяснить себѣ смыслъ того, что время имѣетъ не геометрическую (прямая линія) и не физическую (естественный потокъ), но монадологическую природу. Монадологизмъ-же заключается въ томъ свойствѣ *взаимнаго проникновенія,* на которомъ такъ настаиваетъ Бергсонъ, какъ на существеннѣйшей особенности всѣхъ психическихъ временныхъ процессовъ. Вслѣдствіе

---

[1]) Ср. А. Бергсонъ. Творческая Эволюція, перев М. Булгакова, стр. 13.

[2]) А. Бергсонъ op cit Ibid.

[3]) А. Франкъ. Предметъ знанія. Петргр. 1915 г. стр 354.

взаимной проникновенности всѣхъ психическихъ временныхъ состояній, въ каждомъ изъ нихъ дано *все*,—въ чемъ и состоитъ ихъ монадологизмъ. И во времени, въ его „настоящемъ“ дѣйствительно дано *все прошлое*, какъ лишенный активности, но все еще живущій *„созерцательный“ фактъ*, и *все будущее*, какъ непредопредѣленная заранѣе *творческая потенція*.

Вполнѣ законнымъ является здѣсь вопросъ: какъ же возможно *теченіе* времени? Не представляетъ-ли всякое теченіе необходимо *смѣну моментовъ*, отпаденіе однихъ и вступленіе другихъ, новыхъ. Какое же теченіе возможно тамъ, гдѣ все сразу дано? На этотъ вопросъ можно предварительно отвѣтить опять указаніемъ на аналогію съ ученіемъ Лейбница. Вѣдь и въ монадѣ дано было сразу *все* и, тѣмъ не менѣе, это не мѣшало ей быть прежде всего силою, дѣятельностью и даже „непрерывнымъ измѣненіемъ“ [1]). Не можетъ-ли это уяснить кое-что и въ вопросѣ о времени? Время есть, несомнѣнно, вѣчное движеніе, вѣчное измѣненіе. Но это не то движеніе и не то измѣненіе, которое наблюдаемъ мы въ нашемъ поверхностномъ, пространственномъ мірѣ.

Простое наглядное представленіе о существѣ нашихъ физическихъ, пространственныхъ потоковъ показываетъ, что *всякое движеніе въ мірѣ относительно.* Рѣка течетъ относительно своихъ береговъ, водопадъ—относительно обрыва, вода въ трубѣ—относительно ея остающихся неподвижными стѣнъ. *Внутри себя* вода рѣки, водопада, трубы, остается неподвижной. По аналогіи съ этимъ мы и время нашего физическаго міра представляемъ себѣ текущимъ *относительно* одного неподвижнаго момента—*настоящаго.*

Совсѣмъ иначе должно представляться теченіе *глубиннаго* времени. Оно не можетъ, очевидно, состоять въ *перемѣщеніи частей*, но должно являть собою своеобразный процессъ непространственныхъ измѣненій,—измѣненій, носящихъ исключительно *качественный* характеръ. И дѣйствительно, время, обнимающее собою *все*, очевидно, не можетъ имѣть *внѣ себя* чего-либо, *относительно* чего оно могло-бы течь или измѣняться. Теченіе его, его измѣненія должны носить исключительно внутренній и *абсолютный*, а не внѣшній и относительный характеръ. Это есть особый, трудно выразимый въ словахъ, родъ вѣчнаго самоосуществленія, самосозиданія внутри собственной монадологической сущности.

Такимъ образомъ, болѣе близкое и непосредственное опредѣленіе времени само собою пріобрѣтаетъ совершенно ясную

[1]) См дальше, стр. 13.

субстанціональную окраску. Занимаясь вопросомъ объ опредѣленіи субстанціи, мы должны были выяснить свое отношеніе къ вопросу о времени; теперь, послѣ разбора послѣдняго вопроса, мы снова незамѣтнымъ образомъ приходимъ къ необходимости дальнѣйшаго разсмотрѣнія проблемы субстанціи. Вопросъ, который здѣсь естественно возникаетъ, можно формулировать такъ: каковъ смыслъ и каковы предѣлы этой субстанціальной характеристики времени?

Очевидно, все зависитъ отъ того, что захотимъ мы понимать подъ субстанціей. Въ вопросѣ о субстанціальности нельзя не считаться съ тѣми превратностями, какія пришлось претерпѣть этому понятію на протяженіи его многовѣковой исторіи.

Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, можно-ли считать началомъ субстанціализма Аристотелевскую *οὐσία* и стоическія *ὑποκείμενον* и *οὐσία*, равнымъ образомъ оставляя и средневѣковыя ученія обрисуемъ вкратцѣ только историческое положеніе проблемы въ новѣйшую эпоху. Въ системахъ Спинозы и Лейбница понятіе субстанціи вмѣсто довольно-таки неопредѣленныхъ представленій „вещи“ или „субстрата“, усвоенныхъ древностью и средневѣковьемъ, получило совершенно иное значеніе: *самопроизвольнаго, всеобъемлющаго и изъ-себя существующаго бытія*. У Канта оно превратилось въ одну изъ двѣнадцати категорій познающаго разсудка, объ онтологическомъ же смыслѣ ея онъ, вопреки Аристотелю, Спинозѣ и Лейбницу—не считалъ философа вправѣ судить. У Гербарта понятіе это выступило въ значеніи статическаго атома—*реаліи*, у Лотце въ видѣ центра множественности отношеній, наконецъ, у Лопатина въ довольно своеобразномъ соединеніи значеніи *субстрата, силы* и *категоріи* одновременно.

На современное положеніе проблемы рѣшающее вліяніе оказала критика В. Вундта, поставившая себѣ цѣлью разъ навсегда упразднить это понятіе въ примѣненіи къ душевному міру, сохранивъ его однако для области физическихъ явленій въ смыслѣ субстанціи—*атома*. Критика Вундта исходила изъ установленія въ качествѣ основного и существеннаго признака субстанціи ея *неизмѣнной пребываемости*, изъ чего явствовала, по его мнѣнію, полная непримѣнимость этого понятія къ душевному міру. „На пребываніи,—говоритъ Вундтъ,—зиждется абсолютная самостоятельность, а на послѣдней—безконечность и всеобъемлющее единство субстанціи Спинозы“ [1]). Та же связь понятій лежитъ и въ основѣ лейбницевской монадологіи. „Монада есть микрокосмъ“ только потому, что она пре-

[1]) W. Wundt System der Philosophie. S. 263.

бываетъ; она должна искони заключать въ себѣ безконечность представленій; не будь этого, она была-бы уже измѣнчивой вещью, а не субстанціей". Аналогичный смыслъ имѣетъ, по мнѣнію Вундта, и признакъ *простоты* субстанціи: „Монада и реалъ мыслятся, какъ простые, чтобы ихъ можно было мыслить, какъ пребывающіе". У Спинозы при *сложности* признаваемой имъ субстанціи тотъ же результатъ достигался признаніемъ *всесодержимости* субстанціи. Такимъ образомъ,—заключаетъ Вундтъ,—въ послѣднемъ анализѣ, понятіе безконечности въ системѣ Спинозы и понятіе элементарнаго единства въ ученіи о монадахъ, возникли изъ одного и того-же источника: это—два единственно-возможныхъ, а слѣдовательно, и два необходимыхъ продукта идеи пребывающей субстанціи".

Однако, эта же пребывающая субстанція, поскольку она признается *причиною* своихъ явленій, неизбѣжно становится не только причастной къ ходу міровыхъ событій, но и сама, какъ таковая, становится измѣнчивой. Возникаетъ, по мнѣнію Вундта,—„неразрѣшимое внутреннее противорѣчіе":—„какъ пребывающее бытіе, субстанція неизмѣнна; какъ дѣятельная сила, она не только вызываетъ измѣненія, но и сама измѣнчива, потому что сила эта мыслится, какъ внутренняя дѣятельность, вызывающая измѣненія собственныхъ состояній".

Естествознаніе избѣжало этого противорѣчія тѣмъ, что стало считать причинность субстанціи (матеріи, атома) за принципъ *внѣшнихъ* измѣненій, измѣненій взаимнаго положенія, оставляющихъ сами элементы эти неизмѣнными; и поэтому понятіе субстанціи имѣетъ право на свое сохраненіе въ естествознаніи. Наоборотъ, психологія, заимствуя отъ метафизики, это понятіе, не могла по самому характеру своего предмета произвести такого *исправленія* метафизическаго понятія субстанціи.

Поэтому, *понятія субстанціи и субстанціальной причинности* должны быть выброшены изъ психологіи. „Внутренняя причинность нашей духовной жизни,—говоритъ Вундтъ,—несовмѣстима съ неизмѣннымъ пребываніемъ субстанціи; душа есть не отдѣльная отъ духовныхъ процессовъ субстанція, но она есть сами эти процессы" [1]). Психологія, имѣющая предметомъ своимъ не неизмѣнные, но „безостановочно текущіе и связанные другъ съ другомъ процессы", должна принципъ субстанціальной причинности замѣнить понятіемъ *актуальной причинности*, которое не предполагаетъ никакого неизмѣннаго, пребывающаго субстрата.

---

[1]) W. Wundt System der Philosophie s. 263 ff.

Взглядъ Вундта, встрѣтивъ поддержку Авенаріуса, Маха, Паульсена, Джемса [1]) и другихъ, оказалъ столь сильное вліяніе на философскую мысль современной эпохи, что отдѣлаться отъ утвержденнаго имъ пониманія не могутъ часто, какъ мы скоро увидимъ, даже и сами, немногочисленные, правда, въ наше время субстанціалисты. Прежде всего это выражается въ сохранившемся до сихъ поръ признаніи *пребываемости,* которая является тѣсно связанной съ понятіемъ *внѣвременности* (или сверхвременности), за основные предикаты субстанціи.

Между тѣмъ, вся вундовская критика психологическаго понятія субстанціи носитъ въ значительной степени произвольный характеръ. Прежде всего вызываетъ сильнѣйшія возраженія самое истолкованіе Вундтомъ понятія субстанціи у Спинозы и Лейбница. Ни у того, ни у другого философа мы не находимъ, при объективномъ разсмотрѣніи, понятія неизмѣнно пребывающей, т.-е. *неподвижной* („beharrende") субстанціи. Спиноза постоянно называетъ свою субстанцію (Deus) *чистою дѣятельностью,* созидающею, творящею природой (natura naturans), дѣйствующею причиной (causa efficiens) [2]). Онъ совершенно не понималъ своего Бога-природу или субстанцію неизмѣнной. Правда, какъ сторонникъ абсолютнаго детерминизма, онъ считалъ, что уже въ самомъ понятіи субстанціи должны быть заложены всѣ тѣ дѣйствія, которыя она осуществляетъ. Но абсолютный детерминизмъ никоимъ образомъ не исключаетъ дѣятельности. Изъ того, что случится неизбѣжное, не слѣдуетъ, будто ничего не случится. Изъ того, что мы непремѣнно умремъ, не слѣдуетъ, будто мы уже мертвы. Изъ того, что солнце непремѣнно закатится къ вечеру, не слѣдуетъ, что оно уже закатилось. Для насъ, людей, живущихъ *во времени,* всякое существованіе непремѣнно должно быть *измѣненіемъ.* Между тѣмъ, Вундтъ *метафизическую данность* всѣхъ предикатовъ въ субъектѣ приравнялъ къ грубо-эмпирическому ихъ *пребыванію,* т.-е. наличности.

Еще менѣе справедливою является критика Вундта по отношенію къ Лейбницу. „Субстанція, — говоритъ Лейбницъ, — *не можетъ быть безъ дѣятельности*" [3]). „Дѣйствія принадлежатъ субъектамъ...

---

[1]) R. Avenarius. Der Menschliche Weltbegriff §§ 18, 140—141, 143. О предметѣ психологіи. Перев. И. Маркова §§ 81, 85-87. E. Mach Analyse der Empfindungen. 5-te Aufl 1906. I, §§ 11—12. Erkenntniss und Irrtum 2-te Aufl I, § 7. Ф. Паульсенъ. Введеніе въ философію. Пер Преображенскаго. М, 1904 стр 133—135 W. James The Principles of Psychologie. Yol. I, p 344 s.

[2]) B. de Spinoza Ethica L. I De Deo. Propos. XXIX, XXV.

[3]) God. G Leibnitii Opera philosophica. Ed. Erdmann. Nouveaux Essais, p 197

Всякая единичная субстанція,—говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи,—безпрерывно дѣйствуетъ, не исключая даже и тѣла, въ которомъ никогда не бываетъ абсолютнаго покоя“ [1]).

„Природа субстанціи необходимо требуетъ и существеннымъ образомъ заключаетъ въ себѣ развитіе или измѣненіе, безъ котораго она не имѣла бы никакой способности къ дѣйствованію“ [2]). „Я принимаю также за безспорную истину,—говоритъ, наконецъ, Лейбницъ,—что всякое сотворенное бытіе, а слѣдовательно и сотворенная монада, подвержено измѣненію и даже, что это измѣненіе въ каждой монадѣ непрерывно“ [3]).

Мы полагаемъ, этихъ цитатъ достаточно для обоснованія того взгляда, что смыслъ ученія Лейбница о субстанціи состоитъ не въ признаніи неизмѣнности, т.-е. *неподвижности ея пребыванія, но въ признаніи неизмѣнности ея дѣятельности, неизмѣнности измѣненія,* если допустить такое сочетаніе терминовъ. Признакъ *простоты,* заключающійся въ лейбницевскомъ понятіи монады‘ также истолковывается Вундтомъ неправильно. Простота монады,—„метафизической точки“, отличается отъ простоты атома,—„физической точки“,—тѣмъ, что, по словамъ Лейбница, „обладаетъ чѣмъ-то жизненнымъ“ [4]). „Простая—значитъ не имѣющая частей“—опредѣляетъ „Монадологія“. Но „не имѣющая частей“ совершенно не значитъ: лишенная всякихъ качествъ и всякаго содержанія. Монада есть единство во множествѣ. Она проста только въ томъ смыслѣ, что не является простою суммою своихъ частей, но представляетъ собою нѣкоторое высшее единство, не поддающееся, какъ таковая, разложенію на части. Различіе между измѣняемостью монадъ и измѣняемостью вещей предметнаго міра состоитъ только въ томъ, что „измѣненія монадъ исходятъ изъ нѣкотораго внутренняго имъ начала“, они *самопроизвольны.* Подобнымъ же образомъ и въ спинозовской субстанціи все проистекало изъ нея „ex sola suae naturae necessitate“ [5]), т.-е., по необходимости ея собственной природы,—самопроизвольно.

Кромѣ того, монада Лейбница, какъ и субстанція Спинозы, остается *всесодержащею,* она является индивидуальнымъ аспектомъ

---

1) . Actiones esse suppositorum . ita, ut omnis singularis substantia agat sine intermissione, corpora ipso non excepto, in quo nulla unquam quies absoluta reperitur. Op cit. De ipsa natura, p. 157

2) G. G. Leibnitii Opera omnia. System nouveau de la nature, p. 128.

3) Op. omn. Monadologie. § 10.

4) Op. omn System nouveau, p. 126

5) B. de Spinoza. Ethica. L. I. De Deo. Propos. XVI, XVII corollarium 2.

цѣлаго міра „Понятіе индивидуальной субстанціи разъ навсегда заключаетъ въ себѣ все, что можетъ когда-либо съ нею произойти“ [1]). Но это вѣдь совершенно не значитъ, будто монада заключаетъ въ себѣ все это *во мгновеніи*. Наоборотъ, сущность ея состоитъ въ развитіи и измѣненіи, въ *самораскрытіи въ реальномъ времени*. Всесодержимость монады не мгновенная, но *виртуальная*. Итакъ, измѣненія и дѣятельность монады не противорѣчатъ ея всесодержимости и самопроизвольности, но, наоборотъ, требуютъ этихъ качествъ. Ея пребываніе есть *пребываніе дѣятельности*, но не пребываніе неподвижной и замкнутой структуры [2]).

Наконецъ, вотъ что Кантъ говоритъ о понятіи субстанціи и ея отношеніи къ измѣненію: „Измѣненіе есть способъ существованія, слѣдующій за какимъ-нибудь другимъ способомъ существованія того же самаго предмета. Поэтому, *то, что измѣняется, пребываетъ, и только его состоянія смѣняются*. (Курс. нашъ И. Д.). Такъ какъ эта смѣна относится только къ опредѣленіямъ, которыя могутъ исчезать или возникать, то мы можемъ высказать слѣдующее положеніе, кажущееся парадоксальнымъ: только пребывающее (субстанція) измѣняется; измѣнчивое же (преходящее) подвергается не измѣненію, а только смѣнѣ, состоящей въ томъ, что нѣкоторыя опредѣленія исчезаютъ, а другія возникаютъ“ [3]).

Итакъ, подводя итоги, мы должны сказать: *классическое* понятіе субстанціи, какъ оно выражено было въ системахъ Снипозы и Лейбница, содержало въ себѣ три общихъ и существенныхъ опредѣляющихъ признака: *единство, всеобъемлемость и самопроизвольность* [4]).

---

[1]) Г. В. Лейбницъ. Избр. сочин Перев подъ ред В. II Преображенскаго ст IV, 13

[2]) Толкованіе Вундта стоитъ въ противорѣчіи и съ мнѣніями историковъ философіи. Ср К. Фишеръ. Ист. пов. философіи I-й Спиноза, т III. Лейбницъ. Виндельбандъ характеризуетъ субстанцію Лейбница, какъ то, „что черезъ себя дѣйствуетъ, а не черезъ себя существуетъ, т-е пребываетъ (Ист нов. филос, т. I-й Лейбницъ), субстанцію Спинозы, какъ то, что „носитъ въ себѣ возможность всѣхъ существованій“ (Прелюдіи пер. С. Франка, стр. 82). Ср. еще о томъ же „Исторію“ Фалькенберга.

[3]) I. Kant. Kritik der reinen Vernunft. S 179. Kehrbach.

[4]) Въ русской литературѣ общій смыслъ классическаго и единственно правильнаго понятія субстанціи прекрасно выразилъ П. Струве въ своемъ извѣстновъ предисловіи къ книгѣ Н. Бердяева. „Философія дѣйственности или актуальности (Вундтъ).. на высшей ступени своихъ онтологическихъ обобщеній лишь въ иной формѣ выражаетъ основное содержаніе понятія субстанціи. Для насъ именно понятіе (душевной) дѣятельности требуетъ понятія (душевной) субстанціи. Въ понятіе же субстанціи входитъ самоопредѣленіе и самодѣятельность“. Н. Бер-

Лейбницъ, сверхъ того, геніальнымъ образомъ съумѣлъ соединить въ одномъ гармоническомъ понятіи *двѣ стороны*, содержащіяся въ проблемѣ субстанціи: *универсалистическую и индивидуалистическую*. Въ его монадологіи декартовское „я мыслю", оставшееся у самого основоположителя новой философіи растворенным въ *экстенсивномъ* понятіи мыслящей субстанціи, нашло свое полное утвержденіе, какъ *фокусъ* сознанія, къ которому тяготѣютъ всѣ, убывающія по своей ясности, состоянія монады, обнимающей собою весь міръ. Монада есть единство не экстенсивное, т. е. однородное, субстратное, какъ „мыслящая субстанція" Декарта или „Deus sive natura" Снипозы, но *интенсивное*, силовое и центральное, сосредоточенное въ нѣкоторомъ внутреннемъ пунктѣ, и этимъ пунктомъ средоточія, фокусомъ ея, является апперцептивное единство ея сознанія. Это понятіе и должно быть положено въ основу ученія о субстанціи.

Вообще, фактическое положеніе дѣла оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ изобразилъ его Вундтъ. Именно въ естествознаніи понятіе субстанціи (атома) совершенно не является необходимымъ, — о чемъ энергично свидѣтельствуютъ и отдѣльные представители его (Э. Махъ, В. Оствальдъ) [1]), и общее современное состояніе науки физической химіи.

Такъ называемыя явленія „дематеріализаціи матеріи" [2]), іонная и электронная теоріи элементовъ [3]), радій и его явленія, законы энтропіи [4]), — сдѣлали понятіе матеріальнаго атома уже теперь фактически непріемлемымъ Съ другой стороны, *актуализмъ* современной психологіи [5]), быстро идущая впередъ разработка неконкретной, функціональной стороны нашей душевной жизни, наконецъ,

---

дяевъ Субъективизмъ etc Предисловіе П Струве стр. XXXIII. Изъ нѣмецкихъ авторовъ особенно энергично разоблачаетъ ошибки вундтовской критики О Кюльпе въ своемъ „Введеніи въ философію" (стр. 279 и слѣд). Ошибки гербартовскаго субстанціализма хорошо вскрыты въ книгѣ Эд. ф-Гартмана: Современная психологія Перев Г Котляра М. 1902 г

[1]) E. Mach. Erkenntniss u Irrtum. В, Оствальдъ Философія природы.

[2]) Г. Ле Бонъ. Эволюція силъ Опыты надъ дематеріализ. матеріи. Русск пер

[3]) А Риги. Современная теорія физическихъ явленій, стр. 79. Онъ же. электрическая природа матеріи Изд Mathesis. Н. Каблуковъ. Новая теорія вещества.

[4]) F Auerbach Die Weltherrin und ihr Schatten Leip. 1910. Онъ же: основныя понятія современнаго естествознанія. Пер. „Библ. Самообразованія". Ср. еще Р. Natorp. Die logischen Grundlagen der exacten Wissenschaften. s. 350.

[5]) Въ лицѣ: самого Вундта, Липпса, Н Лосскаго и другихъ. W. Wundt Grundzüge d. physiol Psychol B I. 300 = 400. Th Lipps Leitfaden der Psychologie XV. Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

выставленная и Джемсомъ [1]), но независимо отъ него блестяще разработанная А. Бергсономъ *теорія монадологическаго потока сознанія*, самымъ настойчивымъ образомъ побуждаетъ къ возстановленію въ правахъ черезчуръ насильственно отвергнутаго Вундтомъ и Джемсомъ понятія субстанціальнаго единства сознанія [2]).

Но современное пониманіе субстанціи должно быть одинаково далеко, какъ отъ теоріи *однороднаго субстрата*, такъ, равнымъ образомъ, и отъ теоріи безконечнаго числа первичныхъ элементовъ (атомовъ). Ни безличный субстратъ (однородное вещество), ни безчисленные, индивидуальные, замкнутые въ своихъ тѣсныхъ границахъ атомы физики, не могутъ претендовать на наименованіе субстанціи. Ибо проблема субстанціи есть главнымъ образомъ и прежде всего *проблема мірового всеединства. Какъ* именно изъ безчисленности атомовъ возникаетъ единство мірозданія, — вотъ гдѣ лежитъ проблема субстанціальности, которая остается еще совершенно незатронутой физическимъ атомизмомъ, всегда или уже *заранѣе предполагающимъ* это единство, какъ данное (единая матерія, *состоящая* изъ элементовъ), или же, наоборотъ, имѣющимъ его, какъ задачу, которая въ цѣломъ своемъ имъ вовсе не разрѣшается. Вопросъ, *изъ чего* состоитъ дѣйствительность (вещество, атомы, элементы) совершенно не совпадаетъ съ вопросомъ: *каковъ принципъ и основанія единства ея* Послѣдняя проблема можетъ разрѣшаться только атомизмомъ *метафизическимъ* (монады Лейбница) или субстанціализмомъ въ истинномъ и классическомъ смыслѣ этого слова: *субстанція есть самопроизвольное, всеобъемлющее, интенсивное единство.*

Съ точки зрѣнія этого классическаго опредѣленія субстанціи мы и возвратимся теперь къ поставленному выше вопросу: каковы границы субстанціальной характеристики времени. Отмѣтимъ черты совпаденія. Что время содержитъ въ себѣ *все*, это совершенно ясно изъ слѣдующаго:—если внутри насъ даже наше *все* есть само время, — не абстрактное, но въ полнотѣ его *качественныхъ* характеристикъ (текучесть сознанія), то *внѣ насъ*, — въ пространственномъ мірѣ,—во всякомъ случаѣ, все остается *во времени.* Время, какъ говорилъ еще Кантъ, есть апріорная субъективная *форма* всѣхъ явленій, внутреннихъ и внѣшнихъ, вообще. Что время *едино* — это является самымъ характернымъ его свойствомъ (непрерывность). Наконецъ, что единство его *интенсивно*, а не экстенсивно, т.-е.

[1]) W. James. The Principles of Psychologie V I, Ch. The stream of Thoughts

[2]) Блестящая защита этого понятія въ области теоріи познанія составляетъ крупную заслугу въ современной философіи В. Шуппе и другихъ представителей имманентной философіи.

носитъ *силовой и центральный характеръ*,—это вытекаетъ изъ самаго существа всякой *дѣятельности* и всякаго *движенія*. Всякая дѣятельность (волепроявленіе) и всякое движеніе (проявленіе силы), во первыхъ, необходимо совершаются *во времени* и во вторыхъ, необходимо тяготѣютъ къ производящему ихъ агенту или *центру*. Остается только внести послѣднее разъясненіе, чтобы вопросъ о *сущности* времени былъ рѣшенъ окончательно.

Кантовскій субъективный *формализмъ*, нашедшій себѣ сочувственную поддержку въ физикѣ и механикѣ, утвердилъ взглядъ на время, какъ на лишенную всякаго содержанія *форму* смѣны феноменовъ. Самымъ лучшимъ способомъ раскрытія содержащейся въ этомъ взглядѣ ошибки является тотъ пріемъ интенсификаціи этого утвержденія, который мы находимъ у одного русскаго философа — С. А. Аскольдова. „Итакъ, что же такое время въ своей первоначальной формѣ, въ непосредственномъ интуитивномъ воспріятіи. Первое, что мы должны сказать, это то, что время не есть какая-нибудь *самостоятельная* вещь, вообще реальность. *Время неотдѣлимо отъ того, чѣмъ оно наполняется* (курсивъ нашъ П. Д.). Строго говоря, не существуетъ никакого времени, существуетъ лишь *временное бытіе*... Онтологическій смыслъ имѣетъ лишь прилагательное „временный“, а не существительное „время“ [1]).

Остается только обострить это утвержденіе признаніемъ того, что время какъ пустая форма вообще не имѣетъ даже никакого смысла и вспомнить то, что говорилось о качественной и интенсивной природѣ времени, чтобы для насъ стало возможнымъ говорить уже не о временномъ бытіи, но о *бытіи, какъ времени* (становленіи), или времени, какъ бытіи. Сказать: *временное бытіе*, или: *бытійное время*,—это одно и то же. Время и бытіе представляютъ собою *одну и ту же фактическую данность: становленіе сущаго*. Бытіе же становящееся есть единственная реальность, которая намъ дана; покоящагося (неподвижнаго) бытія мы не знаемъ. Если по Аскольдову время не есть какая-либо самостоятельная реальность сравнительно съ бытіемъ, которое „въ немъ“ заключено, то, можно сказать,—вѣдь и самое бытіе не есть самостоятельная реальность сравнительно со временемъ, его объемлющимъ. Это не два момента одной и той же сущности, но *одна и та же единая сущность. Время есть бытіе въ его становленіи*. Это пониманіе являетъ собою преодолѣніе какъ кантовскаго формализма, отнимавшаго у сущаго его жизненную (временную) дѣйствительность, такъ и всякаго

---

[1]) С. А. Аскольдовъ. Мысль и дѣйствительность, стр. 301.

неподвижнаго субстанціализма, напередъ полагающаго сущее, какъ *всеобщее*, неизмѣнное и неподвижное, т. е. *мертвое бытіе* [1]).

Переходя теперь къ окончательному рѣшенію проблемы субстанціи и времени, напомнимъ, въ чемъ заключается ея *основное* содержаніе. Субстанція есть *единое все*, — ἓν καὶ πᾶν, — т. е. *всеобъемлющее единство*. Но внутри этой своей онтологической полноты она должна заключать безграничную способность измѣненій. Какъ понять теперь, что единое все (ἓν καὶ πᾶν) можетъ измѣняться? Всякое измѣненіе не предполагаетъ ли необходимо *прибавленіе* однихъ свойствъ и отпаденіе другихъ. Не является ли очевиднымъ, что внутри нѣкоторой абсолютно законченной и замкнутой системы возможенъ только одинъ родъ измѣненій, именно — *перемѣщеніе*, перемѣна мѣста, т. е. какъ разъ тотъ видъ измѣнчивости, который мы уже раньше должны были признать *принципіально недопустимымъ въ бытіи субстанціи, какъ интенсивной, непространственной сущности*. И если Лейбницъ говоритъ, что „понятіе индивидуальной субстанціи разъ навсегда заключаетъ въ себѣ все, что можетъ когда-либо съ нею произойти“ [2]), то какъ совмѣстить это съ повидимому совершенно противорѣчащимъ этому положенію утвержденіемъ, что „природа субстанціи необходимо требуетъ и существеннымъ образомъ заключаетъ въ себѣ развитіе или измѣненіе“? [3]) Является достаточно яснымъ, въ чемъ заключался *для Лейбница* моментъ синтеза обоихъ противорѣчивыхъ понятій: — это *въ идеѣ внутренняго, имманентнаго детерминизма*, присущаго каждой субстанціи. „Все, что происходитъ съ субстанціей, есть лишь слѣдствіе одной ея идеи или полнаго понятія, — говоритъ Лейбницъ,—такъ какъ эта идея заключаетъ уже въ себѣ всѣ предикаты ея и все, что можетъ съ нею произойти,—и выражаетъ весь міръ“ [4]). Слѣдовательно, примиреніе предикатовъ *завершенности* и *измѣнчивости* состоитъ въ томъ, что монада *все цѣлое* своего бытія, всю полноту содержанія заключаетъ *не во мгновеніи, но въ совокупномъ и цѣлостномъ времени*, въ самораскрытіи въ реальномъ времени. Всесодержимость монады не мгновенная, но *виртуальная*. Это зна-

---

[1]) Таково ученіе о неизмѣнности сущаго геніальнаго платоника—Вл. Серг Соловьева (Ср. Критика отвлеченныхъ началъ XLII и др.). До чудовищныхъ размѣровъ довелъ эту платонистическую тенденцію гипостазированія всеобщаго и неизмѣннаго также русскій философъ Н О. Лосскій. (Обоснованіе интуитивизма, гл. II, стр 246—253 и Міръ, какъ органическая цѣлое. В р и пс. 1915 г)

[2]) Г В. Лейбницъ. Разсужденіе о метафизикѣ. § 13. Перев В. С. Преображенскаго.

[3]) G. G. Leibnitii Opera omnia. Erdm System nouveau P. 128.

[4]) Г В Лейбницъ Избр сочин. Разсужденія о метафизикѣ

читъ, что монада въ каждый моментъ своего бытія содержитъ въ себѣ *все* не какъ фактическую и активную *наличность*, но какъ нѣкоторую виртуальную, т. е. *реально возможную* наличность, т. е. *данность*. „Настоящее, — говоритъ объ этомъ Лейбницъ, — чревато будущимъ; будущее можно было бы прочесть въ прошедшемъ; отдаленное выражается въ ближайшемъ“ [1]).

Итакъ, субстанція, какъ всеобъемлющее единство, должна пониматься нами таковой не во мгновеніи, но въ совокупности временъ, охватываемыхъ бытіемъ единой сущности. *Субстанція есть полнота реальности въ полнотѣ временъ*. А такъ какъ время есть вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣненіе, то субстанція становится *полнотою измѣненій въ единомъ реальномъ времени*. Для Лейбница это звучало такъ, что, слѣдовательно,—*будущее уже предрѣшено настоящимъ*, и въ связи съ этимъ стояла идея предустановленной гармоніи, для насъ совершенно непріемлемая: истинная природа времени, какъ мы видѣли, не допускаетъ никакого предопредѣленія. Утверждать обратное—значитъ отстаивать абстрактный и матеріалистическій механизмъ, совершенно неспособный схватить глубокую *психологическую* основу живой, творящейся дѣйствительности. Разрѣшеніе этого детерминистическаго затрудненія явится естественнымъ слѣдствіемъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія взаимозависимости субстанціи и времени.

Послѣ всего сказаннаго становится очевиднымъ, что *природа субстанціи содержитъ въ себѣ такое же внутреннее противорѣчіе, какъ и природа времени*. Вѣдь и субстанція, подобно времени,—съ одной стороны,—*вѣчно течетъ, измѣняется*, съ другой же,—*вѣчно остается, сохраняется*. И въ субстанціи, слѣдовательно, какъ и во времени, должно признать наличность только качественныхъ, внутреннихъ преосуществленій, а не количественныхъ и пространственныхъ, т. е. внѣшнихъ. И если измѣненія времени, какъ мы видѣли, единственно правильнымъ является опредѣлить, какъ процессъ *творческаго самоосуществленія*, то, очевидно, такой же характеръ должны имѣть и измѣненія субстанціи.

Но какъ возможно говорить о творчествѣ тамъ, гдѣ все уже заранѣе *дано?* Чтобы разрѣшить это затрудненіе, надо, очевидно, подвергнуть анализу понятіе *данности*. Данность можетъ представлять собою *фактъ* (наличность) и можетъ быть *потенціей*. Въ единой и замкнутой субстанціи, равно какъ и во времени, въ самомъ дѣлѣ, все должно быть *дано*; но только одна часть этого всего должна

---

[1]) Избр сочин. „Начала природы и благодати“. § 13.

быть дана какъ фактъ (наличность), другая же — можетъ быть дана и *какъ потенція* (реальная возможность). Дѣйствительно: субстанція-дѣятельность и время-дѣятельность должны являть собою *фактическую данность* (наличность) именно *въ моментѣ своей прямой активности;* моментъ же этотъ, очевидно, олицетворенъ въ символическомъ образѣ *настоящаго*. Но вѣдь и *прошлое* дано и притомъ также *дано какъ фактъ*,—однако, не какъ фактъ *активности*, но какъ фактъ нѣкоторой специфической *соотнесенности* къ факту нашей активности, т.-е. настоящему: это фактъ созерцанія и памяти. Наконецъ, является совершенно очевиднымъ, что и *будущее должно быть*. Если бы будущее, дѣйствительно, было абсолютной пустотою, то, можно утверждать категорически, оно никогда бы и не осуществлялось: ex nihilo nihil est. *Данность будущаго* — это для насъ явленіе, не подлежащее никакому сомнѣнію, хотя черты его и закрыты для насъ. Вѣдь всѣ мы живемъ *въ настоящемъ, силами и пріобрѣтеніями прошлаго и надеждами будущаго*. Вся жизнь наша, какъ она протекаетъ въ реальномъ времени, являетъ собою состояніе вѣчной *устремленности въ будущее*. Пусть ликъ его закрытъ для насъ, но оно само, какъ данность, не подлежитъ для насъ никакому сомнѣнію. Элементъ будущаго — столь же необходимый элементъ всякаго времени и всякой жизни, какъ и элементы настоящаго и прошлаго. Какъ же оно дано намъ, это будущее?

Очевидно, это также не есть уже фактъ дѣятельности, однако и не фактъ созерцательной отнесенности; — вообще, это уже и не фактъ, но *потенція*, т.-е. виртуальная или возможная, а также желаемая и зовущая къ себѣ реальность Если *прошлое даетъ намъ матеріалъ*, на которомъ развивается активная *дѣятельность настоящаго*, то *будущее даетъ намъ идеалъ и призывъ, цѣль*, къ которой направлены стремленія настоящаго. Если прошлое даетъ намъ багажъ, а настоящее — точку опоры, то будущее обусловливаетъ собою *возможность творчества*. Итакъ, данность настоящаго — практически дѣятельная, данность прошлаго — пассивная и созерцательная, данность будущаго — творческая.

Какой, однако, смыслъ имѣетъ это утвержденіе? Для поясненія воспользуемся примѣромъ изъ области творчества. Положимъ, въ головѣ поэта родилась мысль изобразить картину моря или лѣса, или, еще лучше, изобразить свое внутреннее эмоціональное міросозерцаніе въ связи съ какимъ-нибудь реальнымъ фактомъ личной жизни (лирика), и онъ уже сдѣлалъ нѣсколько штриховъ по бумагѣ. Несомнѣнно, что вся картина еще только *дѣло будущаго*. Въ настоящемъ, какъ будто, ничего еще нѣтъ. Однако,—это только „какъ

будто". Въ дѣйствительности, какъ могла бы картина или описаніе мироощущенія когда бы то ни было осуществиться, если бы уже *въ настоящемъ* не имѣлись опредѣляющіе ее моменты. Можно сказать: это *замыселъ* поэта, и, конечно, вѣрно. Но вѣдь замыселъ,—это только общая, самая блѣдная схема или, наоборотъ, совершенно не дифференцированное, эмоціональное устремленіе (лирика), которое совершенно ничего еще не говоритъ о томъ, какова будетъ картина по осуществленіи.

Весь процессъ осуществленія замысла проистекаетъ изъ какой-то внутренней, совершенно неопредѣленной *творческой устремленности*, которая совмѣщаетъ въ себѣ всю полноту возможностей, но переноситъ на бумагу въ видѣ продуктовъ своихъ только отдѣльные свои моменты. Эта *творческая устремленность не позволяетъ ничего предвидѣть*, т. к. она дана именно какъ творчество, т. е. *непрерывное созиданіе все новыхъ и новыхъ, непредвидѣнныхъ заранѣе формъ*. Это совершенно ясно подтверждается самою психологіей эмоціональнаго (лирическаго) творчества, гдѣ нѣтъ никогда никакого *предмета* описанія, но самый предметъ (эмоціональное мироощущеніе) созидается въ процессѣ художественнаго изображенія на бумагѣ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежитъ опроверженіе популярнаго мнѣнія о поэтѣ, какъ баловнѣ счастья, которому не послано въ удѣлъ никакого труда. Художественное творчество есть великій духовный трудъ, который долженъ цѣликомъ создать предметъ своего изображенія въ длительномъ, а иногда и очень долгомъ процессѣ. Вотъ почему, *никакое творчество*,—опять-таки вопреки популярному пониманію, *никогда не бываетъ мгновеннымъ*. *Мгновенно* могутъ быть только перенесены на бумагу результаты предшествовавшаго, достаточно длительнаго, эмоціональнаго процесса [1]). „Нарисованный портретъ,—говоритъ А. Бергсонъ,—зависитъ отъ модели и свойствъ художника и красокъ палитры. Но даже зная все это, никто, даже художникъ, не могъ-бы точно предвидѣть, каковъ будетъ портретъ, ибо *предвидѣть* значило-бы сдѣлать его прежде, чѣмъ онъ былъ сдѣланъ, предположеніе нелѣпое само по себѣ" [2]). Вотъ почему по отношенію къ будущему, несмотря на творческую данность его, не можетъ быть ни предопредѣленія, ни предвидѣнія. Предвидѣть это значитъ видѣть будущее въ настоящемъ, но тогда оно уже не есть будущее. „Вотъ почему нельзя говорить о сокращеніи еще не поступившей длительности съ цѣлью предвидѣнія ея

[1]) Ср. извѣстный фактъ изъ біографіи М Ю. Лермонтова,—мгновеннаго созданія стихотв. „Тучки небесныя".

[2]) А. Бергсонъ Творческая эволюція. стр. 12.

моментовъ; длительность эту можно только пережить, по мѣрѣ того, какъ она развертывается“ [1]). Будущее не можетъ заключать въ себѣ *ничего необходимаго* (допускающаго предвидѣніе), но *только возможное и достойное.*

Все, что сказано о времени, относится очевидно и къ субстанціи. Если время приходится опредѣлить, какъ процессъ творческаго самораскрытія, то то же опредѣленіе оказывается единственно возможнымъ и для субстанціи. Если время есть процессъ творческаго самосуществленія единой монадологической субстанціи, то субстанція есть процессъ творческаго самоосуществленія единаго монадологическаго времени. Это очевидный *логическій кругъ*, который долженъ необходимо быть порочнымъ, если пытаться понимать то и другое, какъ два *различныхъ* предмета опредѣленія. Но этотъ кругъ сразу теряетъ свой порочный характеръ, какъ только время и субстанція поняты, какъ *одна и та же единая сущность.* Тогда порочный кругъ становится простой соотносительностью, коррелятивностью тождественныхъ опредѣленій.

Такое отождествленіе субстанціи и времени стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ установившимися взглядами на существо ихъ взаимоотношенія. Принято думать, что разъ субстанція должна *заразъ* обнимать въ себѣ всю совокупность своихъ смѣняющихся во времени состояній,—такое совмѣщеніе возможно только *внѣ времени.* Какъ иначе можно было-бы представить себѣ, чтобы явленіе, случившееся вчера, оказалось даннымъ заразъ съ тѣмъ, которое еще только произойдетъ завтра?

Въ качествѣ образца подобнаго рода воззрѣній на природу субстанціи размотримъ глубокое и всесторонне развитое ученіе Л. М. Лопатина.

Субстанція, по мнѣнію Л. М. Лопатина, есть „*неизбѣжная логическая категорія*“, которая можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: „во всякомъ дѣйствіи, явленіи, свойствѣ и состояніи что-нибудь дѣйствуетъ, является, обладаетъ свойствомъ и испытываетъ состоянія“ [2]) съ этой точки зрѣнія ученіе Спинозы и Лейбница о субстанціи, какъ самодовлѣющей и *ни отъ чего не зависящей* сущности, представляются Лопатину извращеніемъ первоначальнаго понятія субстанціи, какъ всеобщей логической категоріи. Такое же формально-логическое пониманіе субстанціи стоитъ на первомъ планѣ и въ „Положительныхъ задачахъ философіи“: „субстанція,—говоритъ

---

[1]) А. Бергсонъ. Время и свобода воли. Изд. Р. М. стр. 162.

[2]) Л. М. Лопатинъ. Аксіомы философіи. Вопр. филос. и псих. кн. 80.

здѣсь Лопатинъ,—есть единый *субъектъ* (употребляя этотъ терминъ въ общемъ значеніи *подлежащаго)* даннаго многообразія качествъ и состояній. Уже изъ этого опредѣленія ясно, какіе основные признаки мы неизбѣжно приписываемъ субстанціальному бытію: они заключаются во внутреннемъ единствѣ и постоянномъ *пребываніи*“ [1]).

Близко къ этому формально логическому пониманію субстанціи стоитъ и постоянно повторяющееся у Л. М. Лопатина поясненіе сути дѣла посредствомъ понятія *вещества,* остающагося всегда однимъ и тѣмъ же. Такимъ образомъ субстанція у Л. М. Лопатина обозначаетъ: а) *логическую категорію,* в) *вещество или однородный субстратъ.* Уже въ сильномъ противорѣчіи съ обоими этими *экстенсивными* признаками стоитъ третій признакъ *силы,* который и обосновываетъ субстанцію, какъ *единство.* Но снова и въ этомъ случаѣ признакъ этотъ понимается Л. М. Лопатинымъ по аналогіи съ веществомъ, какъ „проявленіе силы сопротивленія въ предѣлахъ занятаго тѣломъ протяженія“ [2]). Вещество, понятое даже и такъ, не перестаетъ быть самимъ собою, т е. *экстенсивнымъ* состояніемъ, не обладающимъ никакимъ внутреннимъ центральнымъ единствомъ. Слѣдовательно и субстанція, поскольку она понимается какъ сила именно въ этомъ „вещественномъ“ смыслѣ, не перестаетъ быть *экстенсивнымъ субстратомъ,* а не субстанціей въ подлинномъ смыслѣ, какъ *интенсивнымъ единствомъ.* Формально-экстенсивный характеръ всѣхъ разсужденій Л. М. Лопатина не уничтожается даже и третьимъ его опредѣленіемъ субстанціи, какъ „дѣятельной силы во внутренней цѣлостности ея конкретнаго бытія“, и: „реально-единой мощи многообразныхъ проявленій и качествъ“ [3]). Ибо и это динамическое опредѣленіе построено на принципѣ чисто экстенсивномъ: *„всякое бытіе подразумѣваетъ осуществленіе силы“,* или: „всякое бытіе выражаетъ въ себѣ полагающій актъ“. Что же изъ этого? Это значитъ только, что есть нѣчто, полагающее бытіе, но это ничего не говоритъ *о свойствахъ* этого нѣчто (силы). Если же свойства его (т. е. силы) понимать по аналогіи съ экстенсивной, *однородной* силой напряженій *вещества,* индифферентной къ нему какъ цѣлому,—то становится ясно, что весь этотъ динамизмъ только кажущійся.

Въ тѣсной связи съ этимъ формально-экстенсивнымъ понима-

---

[1]) Л М. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи. Т. II, стр. 213—14. Интересно отмѣтить близкое родство всего субстанціалистическаго ученія Л. М. Лопатина съ уже разобранными воззрѣніями В. Вундта.

[2]) Л. М. Лопатинъ. Op. cit. p. 217

[3]) Op. cit. p. 220.

ніемъ субстанціи стоитъ у Л. М. Лопатина и его взглядъ на *взаимоотношеніе субстанціи и времени.* „Субстанція,—говоритъ Л. М. Лопатинъ,—есть то, что *пребываетъ*, напротивъ, явленія проносятся въ каждое мгновеніе. Отсюда слѣдуетъ, что субстанція по природѣ своей не имѣетъ ппредѣленіе премени—она *сверхвременна*“ [1]).

Это снова поясняется примѣромъ вещества и подкрѣпляется уже разсмотрѣнными нами выше аргументами, будто „*быть во времени* равносильно тому, чтобы *не быть* въ прошломъ и будущемъ“, а имѣть реальность только въ неуловимый моментъ настоящаго. „Сознавать время,—говоритъ Л. М. Лопатинъ,—очевидно, означаетъ соотноситься и къ прошлому, и къ настоящему, и къ будущему, какъ къ *реальнымъ* даннымъ... Очевидно, для этого необходимо, чтобы время уже не было внутреннимъ безусловнымъ закономъ для сознающаго субъекта, чтобы оно не увлекало съ собою въ каждый моментъ всю его дѣйствительность и не замыкало его всецѣло въ тѣсныя рамки настоящаго... и *„именно сознаніе реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое безспорное доказательство сверхвременной природы нашего сознающаго я“* [2]).

Тамъ, гдѣ время, какъ у Л. М. Лопатина, понимается, какъ рядъ смѣняющихъ другъ друга внѣположныхъ мгновеній, ничего, конечно, и не остается какъ только прибѣгнуть къ абстракціи *сверхвременности*, которая логически не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же понятіемъ *мгновенности.* Понятіе сверхвременности (=внѣвременности), это—совершенно конкретное физическое представленіе вырванныхъ изъ единаго потока и рядоположенныхъ въ пространствѣ его мгновенныхъ сѣченій. Отсюда съ логической очевидностью явствуетъ, что термины „внѣвременность“ и „сверхвременность“ не могутъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ просто другимъ обозначеніемъ понятія *одновременности.*

Мы привели уже выше соображенія, заставляющія признать, что потокъ времени не складывается изъ отрѣшенныхъ мгновеній настоящаго, но являетъ собою монадологическую структуру взаимнопроникающихъ состояній; что вчера и сегодня, настоящее, прошлое и будущее отличаются между собою не поперечнымъ пространственнымъ сѣченіемъ во мгновеніи, но качественнымъ характеромъ своей данности нашему непосредственному опыту; что прошлое—не то, что навѣки и безслѣдно исчезло; что настоящее—не исчезающая фикція, и будущее—не пустая зіяющая пропасть; что, наконецъ, субстанція необходимо временна и даже есть *само время.*

---

[1]) Л. М. Лопатинъ. Ор. р. 29б.

[2]) Л. М. Лопатинъ. Положит. задачи. т. II, стр. 298.

И теперь для насъ должно быть ясно, что для того, чтобы мыслить субстанцію, какъ таковую, не только не требуется отрѣшиться отъ времени, но наоборотъ, необходимо погрузиться въ самую глубинную стихію его бытія. Ибо субстанція является продуктомъ разсмотрѣнія единаго потока не въ состояніи *пространственной одновременности или мгновенности, но наоборотъ, въ состояніи совокупнаго и цѣлостнаго времени, полноты временъ, которой имя—вѣчность.*

Субстанція, какъ училъ еще Спиноза, требуетъ разсмотрѣнія *sub specie aeternitatis,* но вовсе не *sub specie momenti,* какъ хотятъ этого Л. М. Лопатинъ, Лосскій, Вундтъ, отчасти Франкъ и другіе. Это же sub specie aeternitatis является по существу тѣмъ же *sub specie durationis,* о которомъ учитъ А. Бергсонъ [1]). Итакъ, субстанція сама оказывается временемъ, *единымъ и всеобъемлющимъ,* полнотою временъ, т.-е. вѣчностью [2]). Что же такое представляетъ собою эта вѣчность?

Прежде всего она не есть, разумѣется, что-либо неизмѣнное, неподвижное. *Вѣчность течетъ;* но не въ смѣнѣ отдѣльныхъ и внѣположныхъ моментовъ, а внутри собственной всепроникающей монадологической сущности. Это есть, въ противуположность пространственному, всегда внѣшнему и относительному теченію, *теченіе внутреннее и абсолютное.* Въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ времени (если еще можно говорить о таковыхъ) дана вся эта вѣчность, какъ необходимое *все* его взаимнопроникающаго богатства. Она есть то, что совмѣщаетъ въ себѣ противуположные моменты прошлаго и будущаго, частнаго и всеобщаго, бытія и становленія. Это есть бытіе въ его становленіи, въ его самоосуществленіи и становленіе въ его бытіи. Вѣчность заранѣе *содержитъ въ себѣ все* и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно *течетъ*: это есть творческій потокъ монадологически-проникновеннаго времени во всей полнотѣ его глубиннаго бытія. Такое воззрѣніе представляетъ собою полное преодолѣніе всякаго неподвижнаго элеато-платоновскаго субстанціализма („идеализма“ понятій), по существу своему не могущаго удовлетворить ни запросовъ ума, ни исканій религіознаго духа, несмотря на установившееся за нимъ въ философской традиціи значеніе религіозной

---

[1]) А. Бергсонъ. Введеніе въ метафизику. Перев. М Грюнвальдъ въ прилож къ Времени и своб. воли. Изд Русск. Мысли, стр 222—225. Философская интуиція. Новыя идеи въ филос сб. I, стр. 28.

[2]) Доказательство было дано уже выше: субстанція есть бытіе въ его становленіи (цѣлостной дѣятельности) и время есть бытіе въ его становленіи; двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою.

метафизики *καθ' ἕξοχήν*. Неподвижная вѣчность элеатско-платоновскаго субстанціональнаго идеализма понятій только по какому-то трудно объяснимому историческому недоразумѣнію могла играть роль философскаго оправданія (объясненія) христіанскаго идеала Живой Вѣчности и *вѣчной жизни*. Непріемлемымъ оказывается эта интеллектуалистическая метафизика пребывающаго Логоса и съ гносеологической стороны.

Монадологическій потокъ вѣчности есть нѣкое *трансцендентное разуму* бытіе, постигаемое только непосредственнымъ погруженіемъ въ него, *интуиціей* [1]). Это глубинная основа и стихія, изъ которой категоріальною дѣятельностью разсудка выдѣляются отдѣльныя и неподвижныя *вещи* и состоянія нашего чувственно-воспринимаемаго и практически-дѣйственнаго міра. Въ немъ же усиліями разсудка обособляется одинъ фиктивный абстрактный моментъ *настоящаго*, разрубающій единый потокъ вѣчности въ длинную прямую линію, безконечно тянущуюся въ противуположныя стороны: *въ прошлое*, и *къ будущему*. Ибо природа разума именно такова, что онъ осуществляетъ дѣятельность своего познаванія *не во времени*, какъ оно есть, но *во мгновеніи*.

Познаніе разума всегда есть познаніе во мгновеніи настоящаго, потому что дѣятельность разума состоитъ въ способности различенія и сравненія, соединенія и подчиненія дискретныхъ, внѣположныхъ моментовъ. Таковые же моменты могутъ быть получены только какъ результатъ разсматриванія единаго и цѣлостнаго потока въ поперечномъ сѣченіи мгновенія, т.-е. подъ формою пространства или *одновременности*. Отсюда и время, соотвѣтствующее природѣ разума, представляетъ собою время *экстенсивное*, состоящее изъ ряда слѣдующихъ одно за другимъ внѣположныхъ мгновеній настоящаго. Это и есть время нашего поверхностнаго пространственно-временнаго міра, время физики и механики.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что по ту сторону нашего видимаго поверхностнаго міра, подлежащаго разсудочному познанію субъекта, необходимо признать существованіе иного міра, міра глубиннаго идеально-психическаго бытія или *вѣчности*, являющейся самимъ

---

[1]) Воззрѣнія Филона Александрійскаго и Плотина представляютъ собою въ этомъ отношеніи огромный шагъ впередъ сравнительно съ классической элеатско-платоновской религіозной метафизической (ученіе о неопредѣлимости и несказанности первосущества (*τὸ πρῶτον*) и объ *ἔκστασις*), но они остаются и до сихъ поръ мало усвоенными какъ иностранной, такъ и русской религіозной философіей Ср В С Соловьева Крит. отвлеч. началъ гл. XLIII, XLV. Особенно. П. Флоренскаго Столпъ и утвержденіе истинт. сто. 80, 106—107.

этимъ субъектомъ. И познаніе этого міра возможно только какъ *самопознаніе субъекта въ интуиціи.*

Только въ поверхностномъ мірѣ этотъ непространственный субъектъ выступаетъ какъ нѣчто, хотя и засвидѣтельствованное бодрствующимъ сознаніемъ въ необходимомъ „я есмь“ (sum), но въ то же время нѣчто неопредѣленное, непостижимое разумомъ, вѣчно ускользающее отъ него на подобіе тѣни, которую мы пытаемся схватить. Въ пространствѣ исчезаетъ *все,* что составляетъ глубинную сущность субъекта, и остается одно только неустранимое, но и непознаваемое я есмь.

Если же, отрѣшившись отъ категоріи пространства и сроднаго ему разсудка, силами интуиціи погрузиться въ идеальную стихію собственнаго „я“, намъ откроется необозримый по разнообразію и полнотѣ своего содержанія міръ, *міръ глубиннаго субъекта всякаго бытія вообще, міръ творчества, которое есть сама вѣчность.* Это „уже не вѣчность понятій“ (какъ у Спинозы и др.), или безконечнаго протяженія однороднаго линейнаго времени, „которая,—говоритъ Бергсонъ,—есть ничто иное, какъ вѣчность смерти, а вѣчность жизни: живая, и потому все еще подвижная вѣчность [1]). „Если мы дадимъ такое опредѣленіе Богу,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бергсонъ,—въ немъ не будетъ уже ничего законченнаго, неподвижнаго, но онъ явитъ собою для насъ непрерывную жизнь, дѣятельность и свободу“ [2]). „Вѣчность, — скажемъ мы еще словами С. Франка,— есть *живое единство* или *единая жизнь,* единство становленія и покоя, творчества и неизмѣнности въ абсолютномъ. Абсолютное всеединство есть, слѣдовательно, не внѣвременность, противостоящая становленію и по существу мысли я лишь, какъ замкнутое, т.-е ограниченное единство, но *живая вѣчность* или *вѣчная жизнь,* вѣчность, какъ единство покоя и творчества, завершенности и неисчерпаемости“ [3]).

Подведемъ итоги. Проблема субстанціи можетъ рѣшаться только заодно и параллельно съ заключающейся въ ней проблемой времени: Параллельное изслѣдованіе обѣихъ проблемъ приводитъ къ выводу, что: а) субстанція—необходимо временна и что: b) время—необходимо субстанціально; мы знаемъ только бытійное время и только временное бытіе. Отсюда слѣдуетъ тождество субстанціи и времени. Это тождество на первый взглядъ исключающихъ другъ

---

[1]) А. Бергсонъ. Введеніе въ метафизику. Пер. М. Грюнвальдъ. Р. М. стр. 225.

[2]) А. Бергсонъ. Творческая эволюція. стр. 212.

[3]) С. Франкъ. Предметъ знанія. Петрогр. 1915 г. стр. 357 и слѣд.

друга моментовъ бытія и становленія можетъ быть постигнуто только въ терминахъ монадологіи. Однако, плюрализмъ лейбницевской монадологіи долженъ быть преодолѣнъ въ системѣ субстанціальнаго динамическаго всеединства: *субстанція — только одна, но субстанціальныхъ единствъ можетъ быть безчисленное множество.* Въ этомъ заключается примиреніе монизма Спинозы съ плюрализмомъ Лейбница. Но субстанція—время, которая совмѣщаетъ въ себѣ заразъ все разнообразіе своихъ измѣненій, есть ничто иное, какъ вѣчность, совмѣщающая въ себѣ въ формѣ живого единства всю безконечную бытійную полноту временъ. Отсюда вытекаютъ важныя слѣдствія, требующія коренного пересмотра, съ точки зрѣнія использованной здѣсь проблематики, основъ философскаго ученія объ абсолютѣ и религіозно-философской метафизики. Болѣе подробное разсмотрѣніе послѣдняго отдѣла не входило въ задачу настоящей статьи.

И. Н. Дьяковъ.